

ЛитРес:

Эрика Адамс

Трах и камень

18+

Эрика Адамс
Прах и камень

«Автор»

2019

Адамс Э.

Прах и камень / Э. Адамс — «Автор», 2019

Раз в несколько лет Он, подобно чёрному смерчу, уничтожающему всё живое на своём пути, проносится над подвластными территориями, забирая Невест, обещанных ему. Думаешь, что кошмар остался позади и больше не коснётся тебя? Ошибаешься. Он вернулся. И на этот раз Он вернулся не за тобой, но отберёт у тебя самое ценное... Беги, пока не поздно, обращайся за помощью к существам из старых легенд. Но помни, что время добрых сказок давно закончилось... В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock. Содержит нецензурную брань.

© Адамс Э., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эрика Адамс

Прах и камень

Пролог

– Невеста! Невеста! Невеста! – хихикала свора сверстников, немногим младше или чуть старше меня, указывая пальцем на обращённые вершиной вниз чёрные треугольники, начерченные на моём лице.

Я с удивлением обнаружила среди толпы свою сестру, глаза которой горели тем же азартом насмешки, что и у прочих.

– Я слышала, что говорят, – важно заявила она, и её громкий голосок перекрыл дразнящийся гвалт толпы, – он придёт за своей Невестой и сожрёт её!..

– Ты врешь!

Мой голос всё ещё был твёрд, но сомнение уже закралось внутрь оттого, что именно она, а не кто-то другой произносит обидные слова, рана в самое сердце. Разве оно у нас не одно на двоих, бьётся в едином ритме и заставляет думать одинаково? Разве не чувствует она тот холодок, что сейчас легонько коснулся меня изнутри, заставив замереть от испуга?

– Я слышала, – упрямо повторила она и склонила голову влево и немного вперёд.

Она всегда так делала, когда стояла на своём, до самого последнего не уступая.

– Я слышала, как старая Иуния говорила об этом... Она пела о Его Невестах, сожранных им живьём так, что от них не оставалось ни следа!

По толпе пронёсся восхищённый шёпот, полный одновременно удивления и трепета, и тут же кто-то завёл:

– Сожрёт живьём! Сожрёт живьём!

Крик подхватили ещё несколько глоток, и сейчас этот крик множился, окружая меня плотным кольцом.

– Ты всё врешь, старая Иуния выжила из ума!.. – но мои слова тонули в гвалте, они не были услышаны и терялись в ожесточённом повторении:

– Сожрёт живьём!

Я отступила назад, а затем, развернувшись, побежала прочь, слыша за собой топот десятка или полутора десятков детских пяток, отбивающих сплочённый ритм. А жадные глотки раззевались в крике или дразнящемся завывании, подгоняющем меня, заставляющем бежать ещё быстрее, не разбирая дороги, разбивая ступни о камни, встречающиеся на пути. Я забежала в дом, кинулась к ведру с водой, всегда стоявшему в углу, и принялась ополаскивать лицо, время от времени поглядывая в отполированный до блеска металлический круг, заменивший нам зеркало. Чёрные треугольники никуда не исчезали от простого умывания. Тёмные потоки краски сбегали вниз по лицу, но знаки лишь немного бледнели, всё ещё оставаясь на коже. Тогда я схватилась за скребок, которым мы обыкновенно тёрли тело, и принялась ожесточённо соскабливать ставшие ненавистными мне знаки со своего лица.

Я не чувствовала боли, мне хотелось содрать их с себя, не оставив даже намёка на то, что они были когда-то на мне, и даже не заметила, как в комнату вошла мать. Она вырвала из моих цепких пальцев скребок и отвесила мне звонкую пощёчину. Я смотрела на неё сквозь мутную пелену слёз и не понимала, отчего ладонь её окрасилась в красный, а сама она опустилась на пол, зажимая себе рот обеими руками и раскачиваясь из стороны в сторону, сыпля то проклятиями, то словами утешения, то молитвами, обращёнными к кому-то неизвестному и далёкому.

Немногим позднее она крепко схватила меня за руку и отвела к целительнице Веве. Веве ослепла давным-давно, а некоторые говорили, что она и родилась такой, ни разу в жизни не видя света дня. Но её узловатые сухие пальцы видели всё: она скользнула ими по моему лицу и недовольно цокнула языком, обругав мать. А после затянула негромкую песню и принялась растирать в ступке сухие корни в порошок, смешав их с жиром и намазав мне на щёки. Она велела матери уходить, оставив меня у неё на несколько дней. И в её голосе было столько силы, что даже моя мать, слывшая громкоголосой, не осмелилась ей возразить и ушла, склонившись в глубоком поклоне, лишь смиренно прося её образумить «глупое дитя».

Осознание боли пришло позднее. Я поняла, что всё это время кожа на лице горела именно от неё, лишь когда жирный мазок лёг на моё лицо, принеся прохладу и успокаивая кожу. Веве устроила меня в углу и принялась заниматься своими привычными делами. А я могла только смотреть на неё и дивиться тому, как она, не видя ничего, может так свободно передвигаться по дому и даже заниматься привычными делами. Как-то раз я пробовала пройти с закрытыми глазами и сразу же ушибла себе палец ноги, хотя была уверена, что знаю одну-единственную комнату нашего дома как свои пять пальцев. Веве что-то тихо напевала себе под нос, и поначалу я сидела без движения, боясь нарушить её покой, а потом, осмелев, выпалила свой вопрос.

Она прекратила петь и обернулась, смотря на меня своими глазами, затянутыми белесой мутной плёнкой, поманила к себе пальцем и приказала лечь на узкую кровать, застеленную лишь одним тонким одеялом. Мне даже в голову бы не пришло послушаться, а она села рядом, расплетая мои длинные чёрные косы и пропуская волосы сквозь пальцы, рассказывая так, как умела рассказывать только она: словно пела, а не говорила и заставляла замолкать всё вокруг. И единственным островком, что оставался в мире, прекращающем существовать в подобные моменты, был её голос. Она рассказывала и рассказывала, успокаивая меня медленными осторожными движениями, убаюкивая воспалённое сознание.

А я в силу возраста из её рассказа поняла только одно: что, как только минет срок, меня заберут у матери, щедро заплатив ей выкуп. У матери и сестры будет новый большой дом и в тарелках станет достаточно еды, чтобы не глядеть голодными глазами на пустое дно плоской чашки. Моя сестра сможет надевать новые платья, которые до неё не носил никто, даже я. Мама перестанет истирать руки до крови в ледяной воде. Они заживут хорошо, всё останется таким же, как прежде, за исключением того, что с ними не будет меня. Я не могла понять многого из её рассказа: как будет проходить моё служение и почему мне нельзя остаться с семьёй, кому я и ещё несколько девочек приходимся Невестами и сожрёт ли Он меня, как дразнились на улице. Ясным мне было одно: меня задорого продали, отсрочив время, когда нужно будет забрать товар, на неопределённый срок.

Глава 1

Они всегда были, есть и, как говорят знающие люди, будут. Невесты, которым суждено быть отданными на откуп Ему. Вот так просто: ни имени, ни обозначения, кто он таков. Он просто существует, пропадает на время, скрываясь за гранью недоступного и непонятного нам, а потом появляется и берёт своё, щедро расплачиваясь взамен. Невесты, всегда пять из каждого селения. И умелые рабочие руки молодых мужчин. С мужчинами намного проще – выбирают самых рослых и сильных, а некоторые напрашиваются на служение добровольно, и, если их сочли довольно крепкими и выносливыми, охотно берут, оплачивая их стоимость звонкой золотой монетой, яркий блеск которой в подобные дни заменяет нам свет солнца. Ибо с Его приходом небо затягивается низкими тёмными тучами, заставляющими пригибать головы к земле, и становится так тихо, словно всё живое замерло в ожидании неминуемой гибели.

За молодыми мужчинами приезжают гораздо чаще, чем за Невестами. И не всегда Он является вместе со своими слугами. Едва ли не каждый год на горизонте появляются рослые могучие кони, несущие на своих крупах всадников, лица которых всегда скрыты за коваными шлемами. Крепкие, сильные руки оголены и увиты чёрными росписями татуировок так, что за ними не разглядеть цвета кожи. Говорят, что все эти знаки и надписи они наносят на своё тело во славу Его. Молчаливые и резкие, они проносятся чёрным вихрем, забирая лишь нужное им и щедро расплачиваясь. Никто не осмелится противостоять Его воинству или просто оказаться на их пути, боясь вызвать Его гнев. Можно лишь гадать, что происходит с теми, кого забрали в очередной раз. Кто-то болтает, что все они находят свою смерть в тесных и душных рудниках где-то далеко на Севере, кто-то верит в то, что самые умелые из них становятся частью его воинства.

А старый Рехат и вовсе утверждал, что в прорехе рубахи одного из них видел родимое пятно, один в один как у его сына, взятого в услужение более полутора десятилетий назад. Он клялся, что видел его своими глазами, и говорил, говорил, говорил, повторял эту фразу раз за разом, до самого конца, пока не испустил дух. В тот же самый день. Ему просто не повезло – он не успел убрать своё немощное старое тело с просёлочной дороги, когда по ней во весь опор неслись кони. Слова Рехата были наполнены радостью, мне непонятной, а из-под закрытых век катились слёзы. Когда смерть забрала его последний вздох, я осталась пребывать в раздумьях, было ли Рехату радостно оттого, что удалось в последний раз увидеть своего сына, или горько потому, что сам он был затоптан копытами его коня?

Невесты – другое дело... Их выбирают из числа ещё совсем юных красивых девочек, ещё не пустивших первую кровь. Всех девочек приводят в Храм и подводят к огромной каменной чаше, заставляя выбрать полотняный непрозрачный мешочек с камушком внутри. А потом заставляют открыть его под неусыпным взором собравшихся. Белый камешек – и девочка отправляется обратно к своей семье, вздохнувшей с видимым облегчением. Чёрный камешек – и кто-то в толпе охает, стараясь удержать горестный выдох внутри себя. Пять отводят в отдельную комнату и наносят на лицо особой чёрной краской цепь из маленьких чёрных треугольников, обращённых вершиной вниз. Она начинается по обеим сторонам носа и разлетается по высоким скулам, доходя до самых раковин ушей. Невеста, шепчется народ, расступаясь и потупляя взор в землю, не объясняя маленькой несмышлёной красавице, что именно стоит за этим обращением, полным почтения и затаённого страха. Невеста возвращается домой и живёт вместе со своей семьёй до тех пор, пока не пустит первую кровь, а после отправляется жить при Храме, ожидая Его появления.

Возможно, кто-то хотел бы избежать участи даже просто участвовать в этом слепом выборе Невест. Родители вздыхают с облегчением, когда девочка рождается неказистой или с видимым изъяном. Лопухие или большеносые, с кривыми зубами или непропорциональ-

ным телом... Перечислять можно долго, но каждое видимое несовершенство добавляет шансов избежать участи быть выбранной. Некоторые настолько желали бы избавить собственное дитя от нависшей угрозы, что умышленно уродовали дитя или наносили ему увечья. Хитрецы. Все они рано или поздно жестоко расплачивались за содеянное. Кровавыми слезами им приходилось смывать свой проступок перед общиной. Испорченных девочек умерщвляли, чтобы другим было неповадно, а у родителей отбирали половину всего имеющегося. Это вовсе не означало, что некоторые ещё не оставляли попыток подстроить всё так, чтобы девочка случайно ломала ногу и оставалась немножко хромой или ошпаривалась кипятком, а на теле бы появился обширный некрасивый шрам. Глупцы. Их нелепый обман был обречён на провал с самого начала. Никому не удастся обмануть Слепых, но Видящих. И никому не избежать кары за содеянное.

Невесты – такая же часть нашей общины, как и все остальные. Они участвуют в общих празднествах и выполняют свою часть работы, но всё же вокруг них чувствуется стена отчуждения, отделяющая их от всех прочих. Они считаются неприкосновенными. Никто из мужчин не должен касаться их тела и тем более пытаться овладеть им. В моей памяти отложился случай, когда один из мужчин, захмелев после обильной выпивки, подкараулил девушку, возвращавшуюся в обитель отдельно от других, и взял её насильно.

Наказание провинившегося было впечатляющим и поучительным для всех прочих – Видящие посчитали нужным отнять у него то, чем он совершил злодеяние. Обнажённого мужчину с окровавленным коротким обрубок на месте его естества провели по всему огромному поселению, осыпая его бранной руганью и закидывая камнями, а после привязали к столбу и секли до крови смоченным в солёной воде кнутом. Его оставили привязанным под палящими лучами солнца на весь день, лишив возможности присесть, а на другой день всё повторилось, как и на следующий. Он был на удивление вынослив, качали головой взрослые, и испустил дух, обессилев, только на четвёртый день, когда еле передвигал конечностями. Он уже не мог говорить, а лишь нечленораздельно мычал, под лопнувшей кожей виднелось воспалённое, начинающее подгнивать мясо, облепленное чёрными жирными мухами, ползающими по ранам.

Он напоминал кусок мяса, но всё ещё полз вперёд, подгоняемый ударами погонщика, пока не замер без малейшего движения на месте. Его труп даже не стали хоронить на нашей земле – разрубили на куски и выбросили в пропасть, находящуюся за пределами нашего поселения, скормив его останки хищным тварям, обитающим на дне этой глубокой щели.

А что стало с Невестой, над которой надругались, никто не знал.

Ходили слухи, что от порченных предпочитают избавляться так же, как от тех, кого нарочно уродовали родители. А кто-то утверждал, что подобных несчастной отправляют служить в храмы... Так или иначе, Невесты, как и всё с ними связанное, были покрыты некой дымкой таинственности, и об этом предпочитали не болтать попусту. Мы просто жили бок о бок с ними, делая вид, что ничего из ряда вон выходящего не происходит. Всё так же течёт ледяная вода в быстрой горной реке, а небосклон иногда затягивают серые облака. Короткая сырая зима сменяется яркой весной, и одно поколение выросших Невест сменяется следующим...

Я бы не знала столь многого и не могла рассказать об этом, если бы сама не стала одной из них.

Глава 2

Нас всегда было двое. Я и моя сестра, моё маленькое зеркальное отражение, крепкая ладошка, зажатая в моей руке, такая же, как у меня, только с иными завихрениями линий на ладони. Разница между нами была всего один год, и я не разделяла нас на ты и я. Всегда были только мы вдвоём. Аврелия и Визалия. Лия и Лия, как ласково звала нас мать. Два худеньких тельца на одной узкой кровати под тоненьким одеялом, прижатых друг к другу как можно теснее, чтобы не замёрзнуть холодными сырыми ночами. И насколько я могла судить о собственной внешности, мы с сестрой были во многом похожи: у обеих волосы такие длинные, что на них можно сесть, и тёмные – того цвета, какой бывает вокруг звёзд самой глубокой ночью. Возможно, было небольшое отличие в наших лицах: в форме моих глаз, в капризном изгибе её губ, в решительном наклоне головы, когда Визалия упрямо стояла на своём. От одного взгляда на её красивое лицо у меня перехватывало дыхание, а она, дразнясь, высовывала язык и просила почаще смотреть в полированный до блеска металл, чтобы понять, кто из нас красивее. Её кожа всё же была смуглее, чем у меня, и охотнее принимала лучи солнца. Но во всём остальном мы были словно две капли росы на одном зелёном стебле – дружны и неразлучны. Оттого, когда настал черёд выбирать Невест, я ничуть не сомневалась в том, что мы и в том непонятном будущем, что ждало нас впереди, непременно будем вместе и разделим одну участь на двоих.

Мать долго молилась в углу перед тем, как отвести нас в Храм, подобно сотням других таких же девочек, одетых по случаю выбора в лучшие платья. Нам не из чего было выбирать – две прохудившиеся местами холщовые рубахи длиной чуть ниже колен были подхвачены тонкими поясками, сплетёнными нашими руками, лица чисто вымыты, а волосы заплетены в две толстые косы, гибкими змеями ложившиеся на тонкие плечи. Я не разделяла общего подавленного настроения, беспечно болтала и хихикала вместе с сестрой, нисколько не робея от сотен пар глаз, смотрящих на нас пристально, не дающих ускользнуть ни малейшей детали.

Мы с сестрой одновременно взяли по мешочку, я зажимала его в правой ладони, а она – в левой. И когда было объявлено достать то, что лежало внутри, нырнула ладошкой в темноту без малейшего сомнения, сжала камушек и достала его, вытянув на ладони. И не сразу поняла, что у меня он иного цвета, не такой, как у Визалии. У неё камушек сиял белизной снега, лежавшего на далёких горных вершинах, мой же был темнее непроглядной ночи. Среди раздавшихся голосов я отчётливо услышала громкий вскрик матери: поначалу обрадованный, когда она увидела белый камень на ладони сестры, а после – потрясённый, полный горечи, едва моя ладонь разжалась. Вот так в один миг и решила моя дальнейшая судьба, отделившая меня от Визалии.

Всех девочек, кроме тех, в руках которых покоились тёмные камешки, отпустили. Прихоть ли злого рока, случайность ли, но все мы пять были совершенно разные. Высокая и гибкая, словно лоза, Диана с узким длинным лицом. Низенькая крепкая Сельма с круглым озорным лицом и задорно вьющимися колечками рыжеватых волос. Тихая, едва заметная Гизела с прозрачной кожей и огромными глазами, серыми, словно грозовые тучи. Ехидная, острая, словно шип колючки, Васса, рыжая, с россыпью крупных веснушек на лице. И я. Такие разные, но объединённые общим прозвищем Невесты.

В ту пору мы ещё не понимали значения этого слова, и я не могла вспомнить, как забирали прошлых Невест... Словно и не было ничего. Зато теперь мы стояли перед огромной толпой, чувствуя их напряжённые взгляды, в то же время полные облегчения и спокойствия, уверенности в завтрашнем дне. Один из Видящих произнёс молитву, а после нас увели в одну из многочисленных тёмных комнатушек Храма, где краской нанесли на лицо чёрные треугольники и отпустили обратно к семье. Вот и всё, удивилась я, радостно подбегая к Визалии, цеплявшейся изо всех сил за юбку матери и с опаской смотревшей на меня.

– Мам, мы пойдём домой?

Мой голодный желудок урчал в предвкушении холодной похлёбки, ожидавшей нас на столе в глиняном горшке. Но мать покачала головой и наказала нам с Визалией дожидаться её у входа в Храм, а сама вошла внутрь.

– Было больно? – спросила Визалия, дотрагиваясь тонким пальчиком до треугольников на моём лице. Кончик её пальца запачкался в чёрной краске, ещё не успевшей высохнуть, и она, смешно наморщив носик, слизнула эту капельку языком.

– Нет, – покачала головой я, – только щекотно немного, когда кисточкой водили по лицу.

– Больно будет потом, – внезапно заявила мне она, – я слышала, как Иуния бормочет себе об этом вполголоса, когда лепит фигурки животных.

– Старая Иуния просто не в себе, – рассмеялась я, – её рассказам никто не верит. А одну и ту же историю она никогда не может рассказать одинаково. Помнишь, как она рассказывала нам сказку о лисице, что воровала кур у сельчан? В первый раз она говорила, что лисица попала в ловушку хитрого мужика и поплатилась своей рыжей шкурой из-за собственной жадности... Второй раз, что хвостатой удалось обмануть ленивых и сонных жителей деревни. А в третий раз она и вовсе забыла, о чём рассказывала, и начала петь что-то совсем другое.

– А что, если это были рассказы о нескольких разных лисицах?

Мне бы и в голову такое не пришло. Этим Визалия и отличалась от меня. Я всегда верила на слово, внимая речам, а она словно ныряла под оболочку слов и задавала вопросы, слишком сложные для меня. Я рассмеялась в ответ и дёрнула её за косу:

– Вечно ты выдумываешь... Совсем скоро станешь такая же, как Иуния, – постоянно будешь хромать на одну ногу и бормотать себе под нос!

Она немного надула губы в знак обиды, но потом уличила момент и что есть мочи ущипнула меня за бок. Я взвилась на месте от неожиданности и начала гоняться за ней, улепётывающей со всех ног, но не покидающей вытоптанной земляной площадки перед Храмом.

– Лия! – строго окрикнула нас мать.

Мы обе сразу присмирели. Когда мать говорила таким тоном, ничего хорошего можно было не ждать. Иногда наши забавы её не веселили, но лишь расстраивали. И тогда она щедро раздавала нам затрещины своими покрасневшими, мозолистыми руками, заставляя нас замолчать, чтобы мы не мешали ей немного отдохнуть перед тем, как ей вновь нужно было вставать задолго до рассвета и идти работать. После того как нашего отца, по словам соседей, задрал дикий вепрь на охоте, ей приходилось тяжело. И она хваталась за любую чёрную работу. Убирала огромные дворы богатых домов, полола в них сорняки и стирала. От постоянного пребывания в воде и едкого мыльного корня её руки краснели, кожа воспалялась и лопалась. Это означало, что несколько дней мы будем питаться одной жидкой похлёбкой, в которой плавало несколько кусочков овощей и кореньев, до тех пор, пока она не сможет вновь идти и полоскать чужое бельё в ледяной воде.

– Домой, живо! – и она, не оборачиваясь, крупным шагом пошла впереди, держа в руках мешок, которого до прихода в Храм у неё не было, а мы побежали за ней следом, пересматриваясь друг с другом и разговаривая взглядами. Дома мать осторожно положила мешок на середину стола и молча смотрела на него некоторое время, сурово поджав губы, а потом развязала тесёмку и начала доставать оттуда круглый пышный хлеб из белой муки, который мы ели только по праздникам, толстый пузатый кувшин со сладким сиропом и даже кусок солёного мяса. Мы замерли, разглядывая все эти яства, не решаясь спросить, мерещится ли нам это или мы вновь начали жить так же хорошо, когда был жив отец.

– Ешьте! – мать проворно нарезала хлеба и щедро настрогала мяса, подсластив воду в наших кружках сиропом из кувшина. А сама легла на кровать в углу и отвернулась к нам спиной, пролежав так весь остаток дня и даже не поднявшись к привычной вечерней стирке. Мы старались не шуметь и тщательно прибрали со стола, потихоньку улизнув из дома на улицу.

Заняться нам сегодня было нечем: новой пряжи мать не приносила уже целую седмицу, потому мы были предоставлены сами себе, и вскоре некая молчаливость и оторопь, охватившие нас после непривычного поведения матери, уступили место обыкновенным детским забавам и играм.

С того самого дня наша жизнь изменилась. Не так сильно, чтобы в каждом новом дне не видеть остатков предыдущего, но казалось, что прежняя жизнь становится всё дальше и дальше, словно её, как тонкую щепку, уносят прочь весенние талые воды. На нашем столе то и дело появлялась хорошая еда. Раз в седмицу мать отводила меня в Храм, где один из Видящих раздевал меня донага и тщательно осматривал, затем подправлял краской успевшие немного побледнеть чёрные треугольники на моём лице и о чём-то говорил вполголоса с матерью, вручая ей напоследок неизменный мешок, в котором оказывались то мука с маслом, то крупа, то пахучий круг козьего сыра и мясо, а иногда там оказывался сладкий сироп и даже немного вина. По приходе домой мать строго отчитывала меня, наказывая молиться усерднее и вести себя приличнее. За каждую ободранную до мяса коленку я получала сильные тычки и затрецины, она с особой тщательностью осматривала мои руки и ногти, выискивая грязь под ними, заставляла умываться полностью дважды в день, невзирая на погоду, и смазывала малейшую царапину заживляющей мазью, чего раньше никогда не делала. А ещё иногда она не пускала меня даже собирать вязанки сухого хвороста, гоняя вместо меня Визалию по несколько раз.

– Занимайся пряжей, – сухо велела она и вываливала передо мной гору шерсти.

Я уныло смотрела на ворох шерсти, но принималась за дело, негодую на то, что Визалия носится с другими ребятами в своё удовольствие по лесу, срывая дикие ягоды и сражаясь на сухих палках, а я сижу в тени дома и прочёсываю шерсть раз за разом, превращая её в кудель. Обычно мы вдвоём с Визалией проделывали эту работу, а потом пряли нить и ссучивали её. Вдвоём дело спорилось быстро, а теперь я вынуждена была заниматься этим одна. Более того, мать иногда брала вычесанную шерсть и тщательно рассматривала, недовольно цокая языком и заставляя вычёсывать её ещё и ещё, пока она не превращалась в тончайший воздушный пух. Так поневоле я и стала одной из лучших прях, а после пришлось ещё и вязать из полученной пряжи. Всё для того, чтобы я не носилась как оголтелая по улице и не могла даже ненароком нанести вред столь драгоценному сосуду, как тело Невесты. Меня утешало лишь одно: тем оставшимся четырём девочкам приходилось так же, как и мне.

Глава 3

Я не сидела постоянной затворницей в четырёх стенах. Воду не удержать в сомкнутых ладонях – она всё равно просочится на песок. Так и я находила время и возможность улизнуть на улицу к своим друзьям. Поначалу они долго рассматривали краску на моих щеках и перешёптывались, но после азарт игры взял своё. И можно было бы сделать вид, что всё оставалось по-прежнему, но это было не так. И если раньше я была постоянной участницей наших баталлий, то нынче стала пришлой, гостем, заглядывающим изредка на несколько минут и несведущим во всех тонкостях.

Трещина отчуждения, поначалу едва заметная, ширилась с каждым днём, отделяя меня пропастью от моих сверстников и от Визалии. Теперь она заменяла нас двоих и даже выглядела немного по-иному, более важная, что ли, и немного обиженная на меня за то, что её-то мать не баловала, а заставляла работать, гоняя за водой к колодцу и за вязанками сухого хвороста в лес. Визалия всё так же выполняла тяжёлую часть работы по дому, как когда-то ранее мы вдвоём, но теперь ей приходилось справляться в одиночку. А на меня мать возложила иные обязанности, не требующие приложения больших сил, но хлопотных и долгих. Она заставляла меня разминать сухие зёрна в муку и выпекать на камнях тонкие, почти прозрачные лепёшки, варить густую похлёбку, прибирать по дому так, чтобы не было ни одной лишней соринки во всех углах, прясть и ткать.

Наверняка в глазах Визалии я начала выглядеть как лентяйка и маменькина любимица, хотя по моим ощущениям было совсем наоборот. Мать теперь даже изредка не расчёсывала мои длинные волосы, заплетая их в диковинные косы, змеящиеся по голове, и всё реже целовала в лоб перед уходом или на ночь. Я всё чаще удосуживалась сердитого взгляда, и губы её сурово поджимались, когда она смотрела в мою сторону. Она словно старалась отдалиться от меня вперёд положенного срока. Говорят, что, когда хочешь приготовить из курицы вкусную похлёбку, нужно лишить её жизни быстро, одним ударом отсекая голову или сворачивая ей шею, чтобы животное не испытывало мучений. Наверняка было бы лучше, если бы меня забрали в Храм сразу же после церемонии выбора, но вместо этого отправили к семье, становящейся чужой и далёкой с каждым днём.

После того как Визалия бросила мне в лицо перед сверстниками слова старой, выжившей из ума Иунии, я вдруг осознала, что этим она подводила черту, заранее прощаясь. Иногда всё ещё вспыхивали прежние проблески нашей дружбы, но сразу после этого она словно просыпалась и вновь принималась игнорировать меня или насмешничать исподтишка, растравливая моё сердце. И именно она выдала меня матери утром, когда я, проснувшись, обнаружила, что между ног немного мокро и липко, а тонкая циновка в одном месте побурела от крови. Я старалась не шуметь, наивно полагая, что смогу скрыть это от глаз посторонних, едва только мать уйдёт из дома, а Визалия помчится на улицу. Но пока я пучком сухой травы пыталась впитать в неё мокрое пятно, сестра проснулась и, не выдавая себя ни малейшим движением, наблюдала за мной. Я почувствовала на себе её пристальный, насторожённый взгляд и прижала палец к губам, призывая её к молчанию, но вместо этого она, глядя мне прямо в глаза, громко позвала:

– Мама! Мама!

Мать заворочалась в дальнем углу дома и села в изголовье кровати. Зачем ты разбудила её своим криком, Визалия, с укоризной спрашивала я глазами, но она упорно делала вид, что разучилась понимать меня без слов, и быстро затараторила:

– Мама, у Аврелии кровь... Вот здесь! Она пыталась затереть её, скрыв от посторонних глаз.

Мать устало провела по лицу рукой и встала, подходя ко мне, сжавшейся от страха.

– Поднимись, – велела она мне и задрала край ночной рубахи, выдернув его из моих крепко сжатых пальцев. Потом кивнула самой себе и кинула к моим ногам одну из своих рубах, приходившуюся мне почти до самых пят.

– Приведи себя в порядок и жди меня.

Она будто нарочно не глядела на меня и собиралась быстрее обыкновенного. Её крупные, сильные руки, уже не бывшие столь красными оттого, что сейчас ей не приходилось стирать до изнеможения, мелькали перед моими глазами, совершая обыкновенные, привычные действия: ополоснёт лицо и разломит тонкую лепёшку, жуя её на ходу, соберёт длинные волосы и натянет своё просторное платье, завязав пояс позади, отойдёт в дальний угол и начнёт шептать молитвы... Каждое движение было гораздо более резким и таким быстрым, что я едва успевала следить за ней.

– Ты готова? – мать, пожевав мятный лист, выплюнула его, сделав после пару глотков воды. Я пролепетала едва слышное «да», потому как от страха собралась даже быстрее неё.

– Пойдём, – велела мне она, разворачиваясь спиной и выходя из дома. В открытую ею дверь ворвались лучи солнца, уже выглянувшего из-за горизонта, на миг осветившие пространство нашего маленького и бедного домишки, отпечатав в сознании всё до мельчайших деталей, включая притихшую Визалию, смотревшую на меня округлившимися тёмными глазами. На мгновение мне показалось, что она сейчас привстанет с постели и кинется мне на шею, обвиняя её ручонками, как это бывало прежде. Но она лишь опустила глаза вниз, а до меня донёсся сердитый окрик матери:

– Поторапливайся...

Я старалась не отставать от её размашистого шага, приходилось переходить почти на бег, чтобы поспеть за ней, быстро идущей по улицам нашего селения мимо домов с просыпающимися жителями. Некоторые из них уже принимались за работу, приветственно кивая матери без слов, торопливо опуская глаза, едва пересекались со мной взглядами. Только старый Хаммаз, бывший в наших краях пришлым, сидящий под старым плетнём, приветственно взмахнул мне рукой, слабо улыбувшись. Мать привела меня к Храму, шепнув что-то на ухо одному из прислужников, начищавшему каменные плиты полы. Тот мгновенно прервал своё занятие и, торопливо поднявшись, удалился.

– Зачем мы здесь? – тоскливо спросила я. К тому времени я уже понимала, что меня отдалят от моей семьи, как только придёт срок, но хотела услышать это от неё. Мне почему-то казалось важным услышать, как будет звучать её голос, когда она будет говорить мне о том, что отныне я не являюсь частью их жизни с Визалией.

– Время пришло, – всё же выдавила она из себя, когда я уже решила, что она оставит свой вопрос без ответа. Но не те слова я хотела услышать. Мне нужен был лучик тепла или одобряющий взгляд, ласковое касание или объятие на прощание, но она стояла неподвижно, словно превратившись в одно из каменных изваяний, стоявших в углах Храма. Прислужник вернулся в компании двух Видящих. Один из них взял под руку мою мать и увёл в глубину тёмных коридоров. Я смотрела ей вслед не мигая, ожидая, что она хотя бы обернётся, но она уходила прочь, твёрдо чеканя свой шаг. В глазах предательски защищало от понимания того, что именно сейчас она решила отсечь меня одним-единственным ударом, не тратя время на лишние прощания.

– Добро пожаловать, дитя, – сухо прошелестел голос Видящего, а на плечо легла его тонкая ладонь с сильными, цепкими пальцами. Придерживая меня и не давая ускользнуть, он ввёл меня в комнату, освещённую лишь парой свечей, немного рассеивающих тьму. И пока я пыталась разглядеть окружающую обстановку, дверь за моей спиной захлопнулась, отрезая меня от прошлой жизни.

Глава 4

С того самого дня началась моя жизнь в Храме. Сперва меня передела молчаливая прислужница, сидящая в углу комнаты так незаметно, что я и не заметила поначалу её присутствия. Только испуганно вздрогнула, когда плеча коснулись её пальцы. Она подала мне новую одежду и бельё, переплела мои волосы, совсем по-другому уложив их на голове, и повела за собой. Вновь узкие, тёмные коридоры, в которых было трудно ориентироваться обычному человеку, чьи глаза ещё не успели привыкнуть к полутьме. В новой комнате, чуть больше предыдущей, меня ждал один из Видящих, велевший мне прилечь на узкую кровать и прикрыть глаза. Щёк коснулось нечто мокрое и холодное, я не вытерпела и приоткрыла веки.

– Лежи, – тихо сказал он.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – мой голос казался ещё тоньше и тише, чем был на самом деле.

– Теперь, когда ты переступила порог превращения, твои знаки станут постоянными, – он размазывал по щекам какую-то мазь, пахнувшую очень пряно и холодившую кожу. Знаки, начерченные на моих щеках, уже ввелись в кожу, но всё равно бледнели от частого умывания и выглядели как серые пятна. Их то и дело подправляли, но они выцветали, становясь похожи на пятна засохшей грязи.

– Полежи немного, – велел Жрец и отошёл в угол комнаты, принявшись что-то смешивать в каменной ступке. Его движения были уверенны и плавны, их монотонный ритм странным образом успокаивал, ввергая в странное состояние. По очереди он поставил на небольшой столик рядом с кроватью каменную плошку с чёрной жидкостью, плескавшейся на дне, керамический горшок с водой и чистую тряпицу. Потом он коснулся моей щеки, надавливая на неё пальцем.

– Чувствуешь что-нибудь?

– Нет, – я не почувствовала его прикосновения, только видела, как он щиплет кожу и протирает её от мази тряпицей.

– Хорошо, – одобрительно улыбнулся Видящий, и в его пальцах появилась длинная тонкая игла, – а теперь лежи и не двигайся.

Он склонился надо мной, предварительно обмакнув остриё иглы в чёрную краску, и принялся кропотливо набивать рисунки на моих щеках. Боли я не чувствовала. Немного ноющее ощущение придёт немногим позднее, кожа покраснеет и припухнет на несколько дней, а потом на моей коже будут выделяться чёрные треугольники, которые уже не смыть даже за тысячи тысяч умываний, остаётся только снять их вместе с кожей. Одним разом не обошлось, Видящий подправил знаки через пару седмиц, придав чёрному цвету глубину и сделав их более заметными. Теперь никто бы не мог ошибиться, определяя, кто я. Знаки на лице кричали об этом вместо меня.

К тому времени, как я оказалась приведённой в Храм, здесь уже были три другие Невесты. Кроме меня, не хватало только одной – Гизелы, бывшей по возрасту самой младшей из нас. Мы жили отдельно от всех служителей, не в кельях Храма, но в деревянном строении, расположенном на внутреннем дворе. Каждой из нас была выделена небольшая комнатка, в которой помещалась только кровать и стул с небольшим подобием стола – к стене была прикреплена намертво деревянная крышка. Своего имущества у нас было немного. В основном это были мелкие вещицы, касающиеся наших увлечений. У меня это было веретено и набор спиц и игл, предназначенных для вязания и вышивания. У Дианы – тонкие ножички для вырезания крошечных фигурок из дерева, у Сельмы – тонкая флейта... Я знала, что Гизела любила рисовать угольками, а Васса... Васса просто любила себя и возводила в ранг абсолюта свою избранность, постоянно разглагольствуя о том, какие щедрые дары нас ожидают по Его приезде.

Жить при Храме оказалось не так уж тяжело, как я могла предположить. Нас не заставляли изнурённо молиться, часами простаивая на каменном полу, упёршись в него лбом и коленями, мы не несли обеты и не держали посты наравне с другими служителями. Поднимались мы рано, вместе с первыми лучами солнца или немногим позже, читали утренние молитвы и спешили на молчаливую утреннюю трапезу в огромный зал, в котором под песнопения нескольких Жрецов поглощали выданную пищу, а после принимались выполнять свои ежедневные обязанности. Мы не перетруждались, но и не сидели без дела: каждой из нас нашлась своя работа, которой мы занимались, внося свой вклад в размеренную жизнь Храма. Нас не держали взаперти, мы могли свободно передвигаться по селению и близлежащим окрестностям, но уходить далеко запрещалось, и возвращаться в Храм нужно было не позже захода солнца, чтобы успеть на вечернюю молитву.

Как-то хохотушка Сельма, насмешничающая над поводом, на котором нас держали, решила проверить, что станет, если не вернуться в положенное время. Она затаилась в одной из пещер, будучи уверенной, что её найдут нескоро. Но она ошиблась – не прошло и двух часов, как двое Видящих вытащили девушку из пещеры, приведя обратно. Её продержали впроголодь две недели в каменном брюхе одной из келий, остальных – всего неделю, чтобы в другой раз было неповадно бежать или пытаться скрыться от судьбы, указавшей своим перстом именно на нас.

Мы хоть и могли свободно передвигаться по селению, участвуя в его жизни, всё же держались особняком. Вернее, нас немного сторонились. Стоило появиться одной из нас в чёрном, ниже колен платье, как разговоры становились немного тише. И жители уже не так охотно хохотали над своими шутками. Поневоле мы сбивались в небольшую кучку, несмотря на огромную разницу в характерах. Мы были словно неподвижные камни, которые огибали бурные потоки реки, сторонясь их. И оставалось только гадать, как долго продлится очередное затишье и скоро ли нагрянет Он за обещанными ему Невестами. В прошлый раз Он забрал своих Невест ещё совсем тоненькими девочками, у которых кровь впервые появилась меньше года назад. Сейчас же мы уже превратились в девушек, сверстницы которых либо носили под сердцем дитя, либо воспитывали маленького кроху, будучи замужем. А мы так и оставались Невестами, несмотря на то что наши тела вытянулись и округлились, приняв волнующие женственные формы. Даже Гизела перестала походить на бледную тень и расцвела.

За всё то время, что я жила при Храме, Его воинство не единожды являлось за мужскими рабочими руками, щедро платя взамен, но Он ещё не появлялся. Старики говорили, что на их памяти эта самая затяжная пауза между его визитами и сборами Невест, и качали головой, бормоча себе под нос пожелания скорой смерти, дабы не увидеть Его появления после столь длительного отсутствия.

* * *

В один из дней я по привычке гуляла по окрестностям, бродя по каменистым горам, теснившимся вокруг нашего поселения. Мне нравилась их чарующая строгость и впечатляющая безмолвность, неизменно величественный облик камня, видимый из любой точки селения. И кроме того, в горах росли вкусные ягоды, сладковатые, с лёгкой кислинкой, приятно расходившейся во рту. Я набирала их в котомку, а потом делилась ими с остальными Невестами, болтая о разном перед тем, как отправиться ко сну. Я сидела у низкого кустарника, наполняя котомку ягодами, как заметила краем глаза какое-то движение.

Белая тень промелькнула слева, издав жалобное «ме-е-е-е». Я подняла голову и успела увидеть, как маленький тонконогий козлик, ещё совсем малыш, скачет, взбираясь вверх по каменистому выступу, заканчивающемуся глубоким обрывом. Вот же глупыш, и как только ему удалось отстать от стада, пасшегося значительно ниже? Я перекинула ляжку котомки через

плечо и скользнула следом за козликом, намереваясь его догнать. Он то неподвижно стоял, смешно поводя из стороны в сторону головой, то нерешительно топтался на месте. Казалось, стоит только протянуть руку, и я успею схватить его за мягкую шкуру, но в последний момент он резко скакал куда-то вбок и ускользал от меня, забираясь всё выше. Так он добрался почти до самого края и застыл, жалобно бляя. Я осторожно подобралась к нему и протянула руку, но он резко брыкнул ногами и оступился. Я свесила голову: каким-то чудом он попал на один из выступов внизу и топтался на небольшом каменистом участке.

Внимательно осмотрев отвесный крутой склон, я увидела несколько выемок и выступающих камней, на которые можно было ступить ногами. Я недолго колебалась: козлёнок был небольшим. И я бы без труда вытащила его, прижав одной рукой к себе, ведь деваться с того небольшого камня ему было некуда. Потому я начала осторожно спускаться, цепляясь ногами и пальцами рук за камни. Время будто остановило свой бег для меня, пока я спускалась по склону, ругая саму себя, желающую во что бы то ни стало спасти глупого козлёнка. Осталось совсем немного – и я протянула руку, собираясь схватиться за шкуру козлёнка. Дурачок испуганно поджал ноги к брюху и сделал отчаянный прыжок. Прямо в пасть пропасти. А моя рука тщетно схватила лишь воздух и нырнула вниз, на какой-то миг я потеряла равновесие и сама скользнула вниз.

От страха сердце резко подскочило вверх, бешено колотясь внутри, но при падении я успела выставить руки и уцепилась ими, содрав кожу на коленях от удара о камень. Теперь вместо глупого козлика на том самом выступе находилась я сама. Беда была в том, что с этого выступа невозможно было подняться тем же самым путём, что я спустилась: слишком далеко, я не смогу дотянуться. Поневоле я перевела взгляд вниз, на дно ущелья, куда с жалобным протяжным «ме-е-е-е» полетел козлёнок, и ужаснулась. От одного взгляда вниз меня повело от страха и закружилась голова. Казалось, что сама пропасть жадно взывает ко мне и манит полететь в её распахнутые объятия.

Я отшатнулась, прижимаясь грудью к скале и давая себе зарок не смотреть вниз во что бы то ни стало. Я привсталала на трясущихся от страха ногах и начала шарить руками по скале в поисках того, за что можно было зацепиться, чтобы вытащить себя. Под пальцами рук осыпался лишь песок и мелкие камешки, а остальная часть скалы была гладкой. Я шагнула влево, опасно повиснув над самым краем, и вытянула руку, чтобы зацепиться рукой за увиденный мной толстый витой корень дерева, когда-то росшего на краю утёса. Пальцы зацепились за него и, ободрённая успехом, я поставила ногу в небольшую расщелину, намереваясь выползти наверх. Но стоило мне переместить свой вес полностью на левую часть выступа, как он начал крошиться под ногами, мгновенно обрушившись вниз. Всё же козлик был намного легче меня, а я из-за своей глупости сейчас оказалась в смертельной опасности, повиснув руками лишь на толстом, но почти полностью гладком корне дерева, который к тому же начал отрываться от почвы.

Несколько мгновений прошли в тщетных попытках выбраться наверх. Я чувствовала, что из-под ног, тщетно пытающихся нащупать какой-нибудь выступ на скале, вылетает лишь песок и мелкие камушки, а руки предательски дрожали, будучи не в силах удержать вес тела. Я цеплялась изо всех сил и пыталась подтянуться, но ладони с ободранной до крови кожей скользили по корню, который медленно, но верно отрывался от края утёса. Неужели моя смерть будет настолько нелепой? Я разобьюсь на дне глубокого ущелья, пожалев маленького глупого козлика, но умерев и сама подобно ему? Из-под зажмуренных век катились слёзы, и я не решалась их открыть, потому что от взгляда вниз меня начинало подташнивать, а смотреть на то, как скоро оторвётся корень, было ещё горше. Внезапно я почувствовала, как меня ухватили за запястья чьи-то сильные ладони и рывком потянули вверх. Мужские руки бесцеремонно перехватывали мои руки, вытаскивая из ущелья. Последний рывок – и я чувствую под ногами каменистую почву.

– Эй, ты как?

Я всё ещё трясусь от пережитого страха, боясь открыть глаза. Моё лицо приподнимают за подбородок и оттирают дорожки слёз на щеках.

– И как ты здесь оказалась?

Я наконец решаюсь открыть глаза и вижу перед собой одного из жителей нашего поселения. Вэ́рка, того самого, кому суждено занять пост предводителя после смерти его отца. Я слышала о его возвращении из южных провинций, куда отец отправлял своего сына набраться ума. А злые языки поговаривали, что отец таким образом просто решил уберечь любимого сыночка от участи быть отобранным для Его нужд. На загорелом лице, покрытом рыжеватой щетиной, светится улыбка, а голубоватые глаза смотрят приветливо и чуть укоризненно. Я смутно помню его. Он был старше меня и стоял на много ступеней выше моей семьи по благосостоянию, потому я никогда не заговаривала с ним и лишь склоняла голову, как и положено прочей черни, когда встречала его вместе с семьёй на праздниках. Но с тех пор минуло несколько лет, и сейчас я с трудом узнаю в этом рослом широкоплечем мужчине того самого Вэ́рка, образ которого сохранился в моей памяти. Я понимаю, что он сидит непозволительно близко ко мне, и невольно подаюсь назад, но он хватает меня за руку.

– Не стоит. Позади тебя обрыв, – Вэ́рк качает головой и мягко тянет меня на себя, – тебе лучше отойти подальше. От страха люди теряют ориентиры и зачастую не могут понять, куда им следует идти.

Он поднимается с колен и поднимает меня, отводя прочь от опасной пасти ущелья. Одна рука удерживает моё запястье, а вторая покоится на плече приятной тяжестью.

– Так как ты здесь оказалась, Аврелия?

Моё имя выскальзывает из его губ без всякого затруднения, словно он всегда знал и помнит до сих пор, как меня зовут. Я теряюсь на мгновение, не зная, как вести себя с ним, но вовремя спохватываюсь и, чуть склонив голову, бормочу положенное приветствие. Меня останавливает его звонкий смех.

– Прекрати! Оставь всю эту чепуху там, – он машет рукой вдаль, в сторону нашего селения. Я согласно киваю, всё ещё чувствуя робость перед ним.

– И? – вопросительно спрашивает он.

– Я увидела козлёнка. Глупыш, по всей видимости, отбился от стада и заплутал. Он скакал так, словно не разбирает дороги, прямо в ущелье...

– И ты хотела его спасти?

– Да, но не успела. Он всё же сорвался вниз.

– И чуть не погибла сама, – недовольно цокает Вэ́рк языком, глядя чуть строже.

– Да, – едва слышно шепчу я, опуская глаза, зная, что совершила оплошность.

– Ты могла погибнуть. Или нанести себе увечья... Тебе следует быть осторожнее. Ты же одна из Невест.

Я вздыхаю, топчась на месте, больше всего желая, чтобы Вэ́рк дал мне возможность пройти мимо него. Но он стоит прямо посреди тропы, разглядывает меня и не собирается никуда уходить.

– Я бы даже сказал, не просто Невеста, а самая красивая из пяти.

Его слова приятно согревают и в то же время звучат неправильно. Я предназначена не Вэ́рку или кому-либо другому из мужчин, а Ему, и сама мысль о том, что некто может взирать на меня как на обычную девушку, кажется кощунственной.

– Все Невесты красивы и предназначены Ему, – я говорю заученную фразу, даже не задумываясь о смысле её слов.

– Кто угодно, но только не Васса, – пренебрежительно бросает Вэ́рк, – эта рыжая оглобля годится только на то, чтобы ворон пугать. Не удивлюсь, что Он, едва завидев её издали, решит во все грядущие времена объезжать наше селение стороной.

Он первый смеётся своей шутке, а я вымученно улыбаюсь. Он видит моё смущение и берёт мою руку в свои большие ладони.

– Ты всё ещё напугана оттого, что едва не упала в пропасть, да? Не бойся. Со мной можешь не бояться ничего.

– Спасибо, Вэ́рк, но мне пора возвращаться. Видящие не поощряют опоздавших.

Я отнимаю руку и пытаюсь обогнуть его сбоку, но он не двигается, и мне приходится вступать в заросли густой травы.

– Постой, Аврелия...

Вэ́рк хватает меня за плечо и разворачивает к себе.

– Мы ещё увидимся? Не в селении. А так, наедине? Тебя же не держат взаперти...

– Зачем? – ответ уже читается на его лице, но я зачем-то спрашиваю об этом, слыша в ответ:

– Ты стала ещё краше, чем прежде.

Пальцы Вэ́рка нежно оглаживают скулы поверх чёрных треугольников и скользят вниз, к подбородку.

– Ты такая красивая, – шёпотом произносит он, наклоняясь ко мне.

Глаза горят восхищением и желанием, таким горячим, что его взгляд жжёт мне кожу, опаливая её. Пухловатые, почти девичьи губы уже совсем близко, вот-вот коснутся меня, но я вдруг резко подаюсь назад и разворачиваюсь, принимаясь бежать со всех ног. Несколько мгновений я не слышу позади себя ничего, а потом раздаётся топот его ног, настигающих меня.

Я бегу легко, но кажется, что Вэ́рк быстрее меня. И на моей стороне остаётся лишь хорошее знание местных тропок, в то время как он, долго отсутствующий здесь, всё равно что пришлый гость. Я петляю и бросаюсь бежать через пролесок, надеясь запутать его. Под лёгкими сандалиями мягко пружинит трава, а в уши врываются звуки летнего леса, полного жизни. Кажется, оторвалась. Я останавливаюсь, прислушиваясь и шагаю к дереву, переводя дух. Решаю переждать ещё немного здесь, а потом вернуться в селение.

– Попалась, – звучит жаркий шёпот, и сильная мужская рука ложится на плечо, не давая ускользнуть. Вэ́рк обходит меня кругом и наступает, заставляя вжиматься спиной в кору дерева.

– Ты быстро бегаешь, Аврелия, но охотник из тебя вышел бы никудышный. Скорее всего, ты лёгкая добыча. Похоже, что от твоего отца тебе мало что перешло.

Вэ́рк дышит немного тяжело, но не выглядит уставшим. Наоборот, словно азарт подстегнул его, давая показать себя, и он доволен собой.

– Почему убежала, Аврелия? Я не причиню тебе вреда.

Голос Вэ́рка звучит мягко, обволакивает меня с ног до головы, успокаивая, но азарт и голод из его глаз никуда не исчезли, потому я качаю головой:

– Твои губы говорят одно, но твои глаза твердят об обратном...

– Предатели, – усмехается он, – и тому и другому хочется лишь одного.

На этот раз я не успеваю среагировать – так быстро он наклоняется и касается моих губ, прижимаясь к ним на мгновение мягко и нежно, отстраняется, улыбаясь, и вновь прижимается к моему рту, беря его в плен, заставляя непривычно млеть и желать, чтобы поцелуй не прерывался. Я словно просыпаюсь ото сна, когда его руки стискивают плечи ощутимо крепче, и с силой пихаю его кулаком в грудь.

– Ещё немного, – шепчет он, не сдвигаясь, и вновь накрывает губы в поцелуе, чуть более жадном, но коротком, затем отрывается от меня с глубоким вдохом.

– Я не стану тебя принуждать, – заявляет он.

– Тогда отойди. Я Невеста и...

– Да-да, предназначена Ему. Но я не собираюсь ничего отнимать у тебя силой или брать мне не принадлежащее. Даже если бы ты сама предложила, – неожиданно заканчивает Вэ́рк,

заставляя меня краснеть. Он переворачивает смысл слов с головы на ноги так, что будто это я вешалась ему на шею, а не он пытался добиться моей взаимности.

- Мне пора, Вэ'рк, – я обхожу его стороной, слыша его слова, доносящиеся мне вслед:
- Я буду ждать тебя здесь же. Каждый день.

Глава 5

Я поспешно возвращаюсь в Храм, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце и восстановить дыхание. Поначалу мне нужно заглянуть к лекарю, чтобы он обработал местами содранную кожу на руках и ногах. Боли практически нет, а вместо неё я чувствую небывалый подъём и странное ощущение парения внутри себя, поневоле признавая, что оба этих чувства вызваны не только чудесным спасением, но и близостью Вэ́рка, приятно волнующей кровь.

Лекарь осуждающе качает головой, обрабатывая раны, и запрещает покидать мне территорию Храма на время, пока раны не затянутся как следует. Мне кажется, что его пронизательный взгляд насквозь видит меня и мои чувства, оттого я невольно содрогаюсь внутри от возможного, но неизвестного наказания. Какая кара постигнет Невесту, восплававшую ответным желанием не к Нему, которому была обещана, но к обыкновенному мужчине?

Я понимаю, что мимолётное томление, испытанное мной, едва ли можно называть столь громко, именуя желанием, но часть меня, дремавшая доселе, пробуждается и твердит, что это лишь первые признаки болезни, называемой вожделением. И мне страшно, так страшно, что я едва переставляю ноги, заставляя идти себя в молитвенный зал под неусыпный взор Видящих. Каждое мгновение я ожидаю подвоха и разоблачающего громкого голоса, указывающего на меня. Но этого не происходит. То ли моя провинность ускользнула от взора Видящих, то ли они не посчитали это таким страшным нарушением, то ли... Последнее предположение я боюсь даже обозначать в своей голове. Лишь преклоняю колени и касаюсь лбом каменного холодного пола, бессвязно бормочу молитвы, но не вникаю в их суть.

Я витаю мыслями далеко отсюда: в лесу, залитом ярким солнечным светом, среди буйствующей зелени, чирикания птиц и жужжания насекомых, наполняющих чистый воздух. Перед мечтательным взором встаёт крепкая, ладная фигура Вэ́рка с широкой мускулистой грудью, его горящий взгляд красноречивее любых слов. И всё проникнуто такой жаждой жизни и томлением по чему-то неизведанному и недоступному, но прекрасному, что на душе становится тоскливо, а на глаза наворачиваются непрощенные слёзы, стекающие по щекам.

Я украдкой стираю их и бреду в свою комнату, игнорируя остальных Невест. Их беспечная болтовня сегодня мне кажется бессмысленной, а Васса цепляется за моё лицо своим колючим, холодным взглядом, словно подмечая непривычное для меня состояние. Но у меня нет ни капли сил, ни малейшего желания изображать хорошее настроение. Я сажусь на жёсткую постель и бездумно перебираю сотканые мной нити, выкрашенные в яркие цвета, выбираю среди них ярко-алый и жёлтый, откладывая в сторону. Мои пальцы знают свою работу, потому проворно начинают расшивать этими цветами новый отрез материи.

Я ещё не знаю, что получится в итоге, как не знаю никогда, едва садясь за работу. У меня нет ни определённого замысла, ни чётко выверенного порядка действий. Я позволяю своему телу дать выразить то, что колючей занозой впилося внутрь меня, и напряжение прошедшего дня начинает отпускать меня, выплёскиваясь яркими аккуратными стежками.

Несколько дней я не покидала территорию Храма, как и было мне приказано, а на третий день я решаюсь проведать старую Вевею. Отчего-то именно с ней у меня связаны особые тёплые воспоминания, а при одной только мысли о её домике, полнящемся ароматами пряных сушёных трав, на душе становится спокойно. По пути к ней я сталкиваюсь со своей сестрой, Визалией. Замечаю её тонкую, гибкую фигуру издалека и люблю её. Мне хочется подойти и поболтать с ней, как когда-то давным-давно, но с того дня, как меня отвели в Храм, в её жизни больше не осталось места для прежней дружбы. Поначалу я тянулась к ней, но она сторонилась меня, предпочитая компанию своих друзей, нанося раз за разом удар в одно и то же место так долго, что зарубцевавшийся шрам внутри меня ныл и по сей день от тоски по родному человеку.

Визалия прекрасно выглядит: её лицо округлилось и при улыбке на щеках появляются очаровательные ямочки, её фигура плавна, а бёдра круглы и притягивают взгляд даже под просторным платьем. Неудивительно... Храм исправно платил за выкупленную Невесту, а с приездом Его приданное Визалии должно будет изрядно пополниться ещё и золотом. Визалия чувствует на себе мой взгляд и оборачивается, едва заметно кивая и мгновенно отворачиваясь, меня направление движения, нарочно замедляя шаг.

– Аврелия, когда уже Он приедет за тобой и остальными Невестами? – насмешливо кидает она мне, едва я поравнялась с ней. – Моей матери уже надоело отбиваться от женихов...

Она нарочно выделяет слово «моей» и намекает на то, что она не может выйти замуж только потому, что её старшая сестра ещё не пристроена. Нет никакого значения, кому я обещана: обычному мужчине или Ему, но Визалии придётся ждать столько, сколько потребуется. Меня огорчает её отношение ко мне, истоки которого мне непонятны. Но я не собираюсь позволять ей омрачать моё настроение ещё больше, оттого я бросаю ей в ответ:

– Не терпится приступить к обязанностям жены или уже приступила и боишься огласки? – я прямо смотрю ей в глаза улыбаясь.

И как бы она ни пыталась сделать вид, что нас больше ничто не связывает, она ясно понимает, о чём ей говорит мой взгляд. Я как-то совершенно случайно набрела на страстно увлечшуюся друг другом парочку, забавлявшуюся в лесу. Полураздетая сестра была прижата к стволу дерева, а мужчина оглаживал её ягодички, одной рукой развязывая тесьму на своих штанах. Визалия всегда была не по годам развитой и смыслёной, и не было ничего удивительного в том, что радости плотских утех она познала на пару-тройку лет раньше обычного срока. Но она не считалась невестой того мужчины, который был уже связан обязательствами и к тому же имел за спиной троих малышек от другой женщины, здравствующей и поныне. Они заметили меня и прервали своё занятие, а Визалия разъярённо прошипела мне тогда в лицо, чтобы я не смела и слова молвить кому-либо об увиденном.

Может быть, наши отношения с сестрой оказались окончательно испорченными ещё и из-за этого? Я не знаю, но увиденное меня не шокировало и не оттолкнуло от сестры, а вот её настроило против меня ещё больше. Сейчас же Визалия прикусила язык и, смерив меня гневным взглядом, отвернулась к мужчине, с которым беседовала до моего появления, делая вид, будто ей нет до меня никакого дела. Но я чувствовала спиной её взгляд до тех пор, пока не повернула за угол улицы, направляясь к дому Вевеи, стоявшему особняком от всех прочих.

Старая Вевея сейчас казалась ещё старше, превратившись в совсем древнюю старуху. Я смотрела на неё и удивлялась, как она не рассыпается живым прахом прямо на ходу от малейшего движения, и поражалась уверенности и силе её рук. Обычно старики в возрасте, гораздо меньшем, чем её, уже едва могли донести ложку до рта, чтобы не расплескать половину.

– Сколько тебе лет, Вевея? – я положила на стол котомку с ягодами, собранными ранее, зная, что она любит перекатывать их во рту, высасывая сок из мякоти.

– Много, – с улыбкой протянула она, – больше, чем тебе, но меньше, чем ты могла бы себе представить.

– Иногда мне кажется, что ты видела сотворение мира.

Она довольно посмеивается себе под нос, начиная отделять мелкие листочки какого-то растения от стебля, и подталкивает чашу с ними в мою сторону, предлагая тем самым не сидеть сложа руки. Я охотно берусь за работу. Когда пальцы заняты каким-то делом, нет нужды выискивать долго подходящий предлог для того, чтобы начать разговор: он начинает плавно литься, словно журчащая вода ручейка, неторопливо и приятно. Я болтаю с ней о разном, подпадая под чары её голоса, уносясь вместе с ним в неведомые дали, прислушиваясь к её словам, даю ей возможность высказать желаемое, а потом решаюсь спросить:

– Ты видела много, Вевея. Скажи мне, что происходит с Невестами? Куда Он их забират?

Она сразу же замолкает, и немного хмурится, отчего к несчётному количеству морщин добавляется ещё одна, и выдаёт нехотя:

– Он забирает их себе. Вот и всё.

– Так много? Зачем ему столько? С каждого селения по пять Невест... Как далеко простираются Его владения?..

– На эти вопросы никто из живущих здесь не знает ответов. И не ищет. Только безумец начнёт задаваться такими вопросами. Безумец, который хочет в скором времени расстаться со своей жизнью.

Последние слова её резки, но мгновением позже она смягчает тон:

– Сколько себя помню и сколько помню рассказы своей бабки, Он был всегда. И будет. Ибо у каждого под небесной тканью своё предназначение... В том числе и у тебя.

– Хорошее предназначение, – усмехаюсь я, – ждать неизвестно чего, мучаясь ожиданием, слыша лишь перешёптывания по углам и лоя на себя осторожные взгляды.

– Значит, ты способна вынести выпавший тебе рок, – спокойно замечает она, обрывая листочки один за другим.

– Рок ли? – с сомнением произношу я. – Почему в Невестах оказались только босяки и бедняки? И говорят, что не было среди избранных ещё ни одной из дочерей предводителей...

– Не болтай о том, чего не знаешь сама, – сердито обрывает она меня, легонько ударяя по руке стеблем, – ты повторяешь лишь расхожие домыслы и завистливые речи тех, кто живёт всего на пару-тройку десятилетий дольше тебя. Много ли видели они?

– А многое ли видела я? – спрашиваю я в ответ.

– Вот потому и не возводи напраслину.

– Я просто хочу знать, – едва слышно произношу я, – что ждёт меня?..

– Узнаешь, когда придёт срок, отведённый для этого.

– А Иуния говорила... – начинаю было я, но Вевея вновь прерывает меня.

– У Иунии была слишком чувствительная душа и память, вмещающая в себя тысячи голосов, чуждых нам. Не стоит помнить всё, что она говорила... Однажды она бродила по селению в чём мать родила и увещевала, что гора расколется надвое, погребая под собой всех нас, но мы всё ещё живы.

В её словах столько твёрдости и уверенности, что я поневоле заражаюсь ими от неё, успокаиваясь, и слова, терзавшие меня до сих пор, перестают казаться зловещим предсказанием моего будущего. Но всё же поспешно добавляю:

– А что, если я не хочу быть избранной? Не хочу дарить неизвестно кому свою чистоту? Может, я жажду иной судьбы... Обыкновенной, полной мелких житейских забот и семейных радостей.

Я чувствую, что она вперяет в меня взгляд своих слепых глаз, затянутых мутной белесой поволокой, словно видит меня насквозь, и ниже опускаю голову с полыхающими щеками.

– Вот в чём дело, Аврелия... Ты же знаешь законы. Нельзя преступать через это. По своей воле или насильно. Не имеет значения. Ты и то, что не отнято, есть ценность, которую нужно беречь пуще всего. Ты же помнишь, как наказали покусившегося на не принадлежащее ему?

Я согласно киваю, вспоминая произошедший случай с мужчиной, силой взявшим одну из Невест.

– А знаешь, что стало с той Невестой?

– Нет...

– И лучше не знать, – холодно отрезает Вевея, – а знаешь ли ты, что вместо одной непопущенной, но обещанной Ему Невесты Он забирает пять младенцев?

Я застываю на месте, боясь пошевелиться, а Вевея продолжает:

– Пять новорождённых девочек, которым не исполнилось ещё и года, отдают Ему, различая с матерями. И если подобное повторится в следующий раз, Он заберёт на пять больше, а потом ещё на пять...

– Я не знала, – шепчу я, поражаясь тому, как могло такое укрыться от внимания, неужели об этом не шептались даже по углам?

– И не узнала бы, если бы не начала задавать глупые вопросы. Иногда лучше не знать. А ещё лучше не помнить. Как не помнят почти все. И как ты забудешь об этом, едва ступишь прочь за порог моего дома.

С чего вдруг такая уверенность, задаюсь я вопросом, смотря в её лицо, и понимаю, что не могу отвести взгляда от её сморщенных губ, безмолвно шепчущих что-то. Смотрю и чувствую, как меня словно утягивает в водоворот. Странное ощущение пропадает так же внезапно, как и началось.

– Не соблазняйся напрасными картинками лживых надежд и красивых слов, – говорит мне Вевея, подводя итог нашему разговору, а после наливает пряного травяного чая, оставляющего приятное послевкусие с лёгкой кислинкой.

Глава 6

Я знаю, что я не должна следовать глупому, непонятно откуда возникшему зову, помня слова Вевей о напрасности надежд, обречённых быть погребёнными под грузом выпавшей на мою долю судьбы, но мои ноги сами меня несут спустя почти целую седмицу на тот выступающий утёс. Сердце грохочет сильнее обыкновенного, мои руки теребят тесьму котомки, привычно перекинутой через плечо. А по приходе меня ждёт разочарование: никого. Только густые кустарники по краям каменистой тропки и пропасть глубоко внизу.

Я топчусь на месте, понимая, насколько сильно моё разочарование, и удивляясь его величине, приобретшей невиданный размах. Даже от разлуки с Визалией и своей матерью меня не накрывало такой безысходной тоской. Я вздыхаю и спускаюсь с тропки, углубляясь в заросли кустарников с ягодами, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Но и тут меня настигает уныние от увиденного. Кто-то, кроме меня, обнаружил это щедрое доселе местечко и как следует обобрал красные плоды. Я срываю всего лишь несколько ягодок, уже переспелых и оттого до невозможного сладких, и раскусываю их, катая на языке. Придётся возвращаться...

– Я думал, что ты не придёшь, – слышу я тихий голос откуда-то сбоку и вижу, как из-за каменного валуна появляется Вэ'рк, – я приходил сюда каждый день, петляя и тратя время, чтобы не вызывать подозрений, но тебя не было. Как не было в это же время и сегодня. Я уже собирался возвращаться, прождав тебя довольно долго, как вдруг решил остаться и набрать ягод.

Вэ'рк улыбается и протягивает мне плетённую из плоских зелёных листьев корзинку, полную ягод.

– И похоже, что не зря.

Его взгляд лучится радостью и восторгом. Вэ'рк осматривает меня не торопясь, словно пробует на вкус каждую чётточку моего лица, лаская её пока лишь взглядом. Меня обжигает от этой небольшой мысленной оговорки «пока лишь», будто дело уже решённое. А потом я гляжу ему в глаза, понимая, что да, дело уже решённое, и не мной, не моим разумом или голосом рассудка и нормами воспитания, потому что мне хочется в ответ так же беззастенчиво разглядывать Вэ'рка, узнавая его, изучая кончиками пальцев. Желание настолько сильное и будоражащее, что моё дыхание сбивается, и я не могу вымолвить ни слова, разом теряя способность разговаривать осмысленно. Я молча выбираюсь из зарослей кустарника, принимая из его рук корзинку с ягодами, и иду рядом, не задумываясь, куда он меня ведёт.

– Здесь слишком заметное место, – небрежно замечает Вэ'рк, – я не хочу, чтобы у тебя из-за меня были неприятности.

– Тогда не следовало приходить сюда, – замечаю я.

– Как и тебе, – парирует он, – я не страшусь мнимого наказания за то, чего не совершал. Так же как и ты. Мы всего лишь болтаем, как двое старых знакомых, внезапно повстречавшихся друг с другом. И только.

Губы Вэ'рка лгут, а глаза выдают его ложь. Но я соглашаюсь с его словами, принимая условия игры и трепеща оттого, что нарушаю все запреты одной только мыслью об идущем рядом мужчине, излучающем силу и какое-то необыкновенное притяжение. Мы идём совсем рядом, иногда задевая друг друга случайными касаниями, приятно волнуящими кровь. Вэ'рк по моей просьбе рассказывает об иных селениях, расположенных к югу от нашего.

– Некоторые из них совсем крошечные, лишь десяток домов с выжившими из ума стариками, а другие поражают своей величиной и богатством... Отец говорит, что неплохо было бы наладить постоянные связи с некоторыми из них, выйдя за рамки обычной торговли...

Я вполуха слушаю Вэ'рка, мне не особо интересны вопросы торговли или соглашений с другими селениями, но мне нравится его голос: мягкий, мелодичный и в то же время полный

скрытой силы, способной вести за собой других людей. Ловлю себя на мысли о том, насколько он хорош будет на месте своего отца, человека сурового и наводящего трепет. Жители потянутся к Вэ́рку, как заплутавшие путники на манящий огонёк костра.

Мы уже давно прошли утёс и углубились в лес, но кое-где ещё встречаются крупные каменные валуны, и Вэ́рк останавливается у одной небольшой гряды, присаживаясь на плоский камень. Я сажусь рядом с ним на нагретую солнцем поверхность, приятно согревающую снизу, и поглядываю на Вэ́рка. Я стараюсь не пялиться на него всё время, но мне это плохо удаётся, потому что на него, подсвеченного солнцем, приятно смотреть. Тёплые лучи игриво теряются в рыжеватых волосах, заставляя их отливать золотом, а кое-где и вовсе будто вспыхивают искорки. Крупные сильные пальцы ловко крутят зелёные листья, превращая их в не что иное, как сплетённая им корзина, та, что сейчас покоится на моих коленях.

– А Невесты есть везде? – я всё же задаю вопрос, интересующий меня.

– На пограничье, – отвечает он и тут же поспешно добавляет: – То есть везде.

– И всюду является Он? – с сомнением спрашиваю я.

– Не в одно и то же время, насколько я могу судить, – Вэ́рк хмурится, и я понимаю, что тема ему неприятна, потому стараюсь запретить себе думать об участии Невест хотя бы в такие моменты.

Мне довольно легко это удаётся, и я постепенно начинаю разговаривать, замечая, как внимательно меня слушает Вэ́рк, не из чистой вежливости, но с искренним участием. Проблема только в том, что все темы, знакомые мне, рано или поздно упрутся в то, кто я есть. Их не избежать, так же как не отнять того, что начертано на моём лице в виде знаков, потому я в итоге просто замолкаю, слушая звуки окружающего леса.

– Ты невероятная девушка, – произносит Вэ́рк, наклоняясь ко мне, сокращая расстояние между нашими лицами. И в этот раз я уже не шарахаюсь испуганно в сторону, а жду его движения, подставляя лицо вверх, млея от восторга, когда он нежно касается губ, проводит по ним своими губами и обхватывает голову сзади одной рукой, запуская пальцы в густые волосы. Его касания медлительны и осторожны, наполняют меня томлением и сладким ожиданием чего-то большего, чем просто прикосновение его губ, сплетённых с моими, и дыхание в едином ритме. Поцелуй мягок, а мои губы ласкаются сами по себе, так, словно знают, что нужно делать гораздо лучше меня. И судя по ответной дрожи и усиливающимся объятиям, Вэ́рк тоже испытывает наслаждение от близости.

Осторожное касание его языка, скользнувшего внутрь моего рта, заставляет изумиться всего на мгновение, а после робко потянуться в ответ, чувствуя кисловатый привкус ягод, оставшийся у него во рту. Движения языка и губ становятся всё настойчивее, заражая ответной страстью, и вскоре я беззастенчиво тяну Вэ́рка за шею на себя, желая, чтобы поцелуй стал ещё глубже, а ощущения острее, чем есть сейчас. Вэ́рк охотно поддаётся зову, шумно выдыхая, и своим телом, притиснутым к моему, вынуждает меня опуститься полностью на нагретый солнцем камень. Его руки хозяйничают с завязками на самом верху моего платья, проворно расшнуровывая их и оголяя грудь. На мгновение Вэ́рк отстраняется и перехватывает мои руки, стремящиеся прикрыть наготу.

– Нет, – восхищённо шепчет он, удерживая мои запястья, лаская жарким взором грудь, – у тебя такая светлая кожа, словно ты вообще не бываешь на солнце. Хотя вот оно здесь...

Его пальцы касаются шеи и спускаются ниже, пробегаясь по коже, заставляя её покрываться мурашками, и осторожно обводит тёмные вершины сосков, устремлённые острыми пиками прямо вверх, в распахнутое голубое небо. Вэ́рк медлит, неторопливо прохаживается пальцами обеих рук по груди, то едва касаясь её кожи, то сжимая грудь в крупных ладонях, заставляя каждый раз вздрагивать и наполняться сладким предвкушением, расходящимся по всему телу. И я не знаю, от чего на самом деле мне становится жарко: от касаний ли его рук

или от жарких лучей солнца, вторящих мужской ласке, которая не прекращается, а становится всё откровеннее и грубее.

Вэ́рк уже жадно стискивает обе груди руками и приникает ртом, накрывая горячим языком вершины, увлажняя их и мягко втягивая поочерёдно. Изошрённая пытка удовольствием, неизведанным до сих пор, исторгается стоном из моего рта, а в ответ Вэ́рк начинает ещё сильнее и быстрее ласкать мою грудь губами и языком, изредка пуская в ход зубы. Я не в силах сдерживаться, и обхватываю его за крепкую шею руками, притискивая к себе ещё ближе, и выгибаюсь всем телом навстречу, чувствуя, как меня охватывают волны, набегающие одна за другой, а где-то внизу томная пульсация усиливает наслаждение в ожидании чего-то неизбежного.

Моим стонам вторят приглушённые стоны Вэ́рка, ещё яростнее впивающегося в мою грудь. Он, словно одержимый жаждой, затягивает тёмную вершину в рот, ударяя по ней языком, а рукой мнёт до боли другую грудь. Негромкий вскрик рождается среди жарких стонов и томных вздохов, проносясь над нами, когда удовольствие достигает своего края и накрывает меня с головой, вдавливая в твёрдую поверхность камня. Моё тело мелко дрожит от неги, а затуманенное сознание лишь краешком улавливает движение Вэ́рка, обнажающего свою плоть и двигающего по ней рукой. Он не отстраняется от меня, а всё ещё целует грудь, не сдерживая гортанных стонов, и через пару мгновений на мои ноги выплёскивается его семя, вязкое, стекающее по боковой поверхности колени. Вэ́рк мягко целует губы и проводит пальцем по треугольникам на моём лице:

– Если бы ты не была Его Невестой...

Я поднимаюсь и затягиваю шнуровку на верху платья, движения рук всё ещё медленны и полны лени, а сердце внутри бьётся чаще, чем обычно.

– И что было бы тогда?

– Стала бы моей наречённой, – Вэ́рк пучком сухой травы оттирает кожу на моей ноге и смотрит улыбаясь.

– Не думаю, что ты вообще заметил бы меня тогда.

– Ошибаешься. Такую, как ты, сложно не заметить... Многие мужчины засматриваются на тебя. Даже когда ты была ещё ребёнком, многих уже волновало то, как ты расцветёшь в положенный срок...

Я смущена и одновременно довольна его похвалой.

– Даже если бы всё сложилось иначе... Бедняки неровня такому, как ты. Так не положено.

– Я изменю существующий порядок вещей, – решительно произносит Вэ́рк. И мне верится, что так оно и будет. Мне отчаянно хочется верить в это, и я позволяю слабой вере пустить свои ростки где-то в глубине.

Глава 7

Видеться с Вэ́рком часто не позволяло благоразумие. Нам приходилось быть осторожными и каждый раз договариваться о новом месте встречи, чтобы не привлекать лишнего внимания. Мы прятались от любопытных глаз посторонних, а когда случайно виделись в пределах селения, церемонно здоровались и расходились в разные стороны, унося с собой в сердце столь желанный образ тихо-тихо, заперев сладостные воспоминания об очередной встрече внутри себя, позволяя согреть им постылые однообразные дни. После очередного взлёта на пик наслаждения накатывало осознание того, что принадлежать друг другу полностью мы так и не сможем, отдаться и принимать так сильно, как только возможно, было для нас под запретом. И всё, что мы могли, это ласкаться губами и языком, ублажать разгорячённую плоть скольжением пальцев. Принимать это как данность и не сметь желать большего.

Поневоле уныние накатывало само по себе: тешить себя иллюзией счастья и знать, что иному не суждено сбыться. Слова Вевей о том, что не стоит соблазняться картинками напрасных надежд, в какой-то мере оказались пророческими. Они разъедали нутро своей горькой правдой, и я начинала проникаться каким-то ядом, отравляющим меня, обидой на тех, кому выпала иная доля, чем мне. Я смотрела на самую нищую семью, прозябающую в грязи, живущую впроголодь, и была бы рада поменяться с ними местами. Но всё, что я могла, это лишь мечтать и строить картины иного будущего только в своём воображении, а после натягивать на лицо выражение смиренной Невесты, терпеливо ожидающей своего наречённого, который не торопился с появлением.

В один из дней раздался тревожный крик пастуха Рикса, прозванного быстроногим. Он вихрем пронёсся по улицам, оглашая их громким криком:

– Идут! Всадники!.. Всадники!.. Они уже совсем близко.

Народ побросал свои занятия и торопливо высыпал из домов, сбиваясь в толпы на улице. Все до единого были снедаемы любопытством, страхом и трепетом. А на лицах некоторых читалось предвкушение и даже радость от грядущего шанса изрядно пополнить кошелек семьи, выгодно отдав в услужение кого-то из своих сыновей. Я смешалась с толпой, выстроившейся на центральной площади, и замерла в ожидании неизвестно чего. Сердце тоскливо ныло в груди от страха, что выбор в этот раз может пасть на Вэ́рка, бывшего одним из самых видных и крепких мужчин. Не одна тысяча пар глаз напряжённо смотрела вдаль, где уже столбами клубилась пыль, поднимаемая в воздухе копытами коней.

Через несколько мгновений из светло-серого облака пыли вынырнула хищно ослабившаяся морда одного из коней. Громкое ржание разрезало тишину воздуха, а сельчане ещё ниже склонили головы. И даже самые рослые из нас начали казаться меньше, чем есть. Я мельком взглянула на Вэ́рка, стоявшего среди остальных молодых мужчин, пытаюсь прочесть выражение его лица. Но оно было невозмутимым и спокойным, словно ничего необычного не происходило и в гости к нам нагрянули всего лишь жители окрестностей, но не Его воинство. Топот всё нарастал, стремительно приближаясь к нам. И поневоле люди прижимались друг к другу теснее, словно овцы, сбивающиеся в одну кучу от испуга, стараясь сделаться незаметнее, чем есть на самом деле.

На середине улицы возник первый всадник, резко дёрнул поводья на себя, заставив своего коня встать на дыбы, и ударил пятками в бок. Конь громко заржал и принялся нетерпеливо перебирать ногами на месте, дёргая хвостом. Вслед за первым появлялись и остальные всадники. Все как один устрашающего вида, рослые, сильные, но всё же уступающие по комплекции первому. Лица их были скрыты за коваными железными масками, и лишь в прорезях для глаз виднелся мрачный полыхающий огонь. Я содрогнулась и задалась вопросом, а оставались

ли они людьми до сих пор или превратились в злобных духов, вытеснивших прежних хозяев из их тел? Тяжёлый взгляд предводителя всадников медленно прошёлся по всем собравшимся.

– Кто желает служить? – голос звучал приглушённо, но тишина стояла такая, что его голос мгновенно разнёсся над всей толпой собравшихся. Вперёд шагнули несколько молодых мужчин. Кто-то с мрачной решимостью обречённого, кто-то горя нетерпением и желанием приобщиться к таинству и величию, которым были окутаны слухи о Нём и его воинстве.

– Мало, – проскрежетал недовольно рослый всадник, оглядывая всего нескольких мужчин, и повторил свой вопрос чуть громче: – Кто желает служить?

Тишина стояла над толпой, замершей без единого движения и, кажется, боявшейся даже вздохнуть, чтобы не привлечь к себе внимание ненароком.

– Тогда я выберу сам...

Предводитель всадников ловко спешился и медленно прошёлся мимо мужчин, годных для службы. Изредка он останавливался и тыкал в грудь тех, кто казался ему довольно выносливым и сильным.

– Ты... Ты...

Выбранные шагали вперёд. Ослушаться приказа, проявив неповиновение, не было и в мыслях. Я напряжённо смотрела за передвижением предводителя. И чем ближе он подходил к Вэрку, тем сильнее сжималось от страха моё сердце, причиняя боль, волнами расходившуюся по всему телу. Наконец он остановился напротив Вэрка и внимательно оглядел его с ног до головы. Казалось, ещё мгновение – и он жестом руки прикажет Вэрку выйти вперёд подобно тем, кого уже избрали. Но предводитель всё ещё медлил, будто взвешивая что-то и принимая решение. Предводитель утвердительно кивнул, словно соглашаясь сам с собой, и поднял руку, намереваясь что-то произнести, как вдруг его внимание отвлекло движение немногим дальше по ряду. Вперёд вышло двое мужчин, приходившихся родными братьями друг другу. Предводитель перевёл взгляд на них и шагнул, резко сокращая расстояние между ним и братьями.

– Неплохо... – пробормотал он им и двинулся дальше. А я стояла едва живая, всё ещё боясь перевести дух и поверить в то, что Вэрка миновала участь быть избранным... Свободно я вздохнула только тогда, когда всадники кинули мешочки с золотом к ногам жителей и спешно развернулись, уводя прочь выбранных мужчин. На этот раз всё прошло на удивление быстро, а количество тех, кто примкнул к воинству, было меньше обыкновенного... Но мне некогда было удивляться, я пыталась унять радость, разлившуюся внутри меня. Времени, отпущенного мне и Вэрку, было даровано ещё немного.

– Осторожнее, Аврелия.

Я едва повернула голову на голос сестры, подкравшейся незаметно, а она тем временем продолжала шептать мне на ухо:

– Проследить направление твоего взгляда для меня не составило никакого труда... Похоже, что кое-кому из мужчин удалось взволновать твоё сердце?

На лице Визалии играла усмешка, лёгкая и немного презрительная.

– Знают ли об этом Видящие?

Сестра склонила голову, разглядывая меня и наслаждаясь своими словами. Больше всего на свете мне захотелось стереть ухмылку с её лица, но я не должна была выказывать своих чувств, потому спокойно ответила:

– Глаза даны для того, чтобы смотреть ими. Но иногда видимость обманчиво искажается под влиянием собственных мыслей. Умерь свой пыл, Визалия, или направь его в нужное русло. Иначе скоро в селении не останется ни одного мужчины, не удостоившегося твоего внимания...

– Ошибаешься. Я способна отличить взгляд, полный затаённого желания, от того взгляда, что проникнут обыкновенным любопытством.

Я рассмеялась и, склонившись к её уху, прошептала:

– Не кажется ли тебе, что для той, которая должна смиренно дожидаться своей очереди, ты слишком много знаешь о желании? Откуда, позволь узнать? Видящие не узрели ничего крамольного в моём поведении, и только ты, снедаемая жаром, пытаешься придать всему иной смысл... Посмотри внутрь себя и для начала найди ответы, а не слоняйся без дела по окрестностям селения, обжимаясь со всеми подряд.

Визалия молчала, силясь подобрать слова, а мне хотелось как можно скорее закончить начатый разговор, и я перевела взгляд за её спину:

– Как раз неподалёку находится жена того мужчины. Интересно ли ей будет узнать, что муж охотится по лесам, но совсем не за дичью?..

Я улыбнулась и отошла прочь, прожигаемая взглядом Визалии, примкнула к остальным Невестам и поспешила вернуться в окрестности Храма, давая себе наказ более не вызывать лишних подозрений ни словом, ни действием.

Мне было горько оттого, что во мне Визалия видит врага, отчего-то вознамерившись выплёскивать свою злобу на меня каждый раз при встрече. И становится понятно, что каждый мой шаг находится под её пристальным вниманием. Способна ли она донести Храмовым служащим? Не знаю. Но если от их неусыпного взора не укрывается ничего, то почему они не углядели в моих действиях ничего запретного? Только ли в целостности последней преграды дело? У меня нет ответа ни на один из вопросов, теснящихся в голове, и нет уверенности ни в чём. Кроме того, что Вэ'рк исподтишка бросает на меня взгляды, заставляющие кровь закипать, а сердце биться быстрее.

И надолго моей выдержки не хватает. Проведя несколько дней за стенами Храма, я начинаю изнывать от тоски и всё же выбираюсь на простор, встречаясь с Вэ'рком в одной из облюбованных нами пещер, скрытой от взоров посторонних. Губы и руки, полные жаждой обладания, говорят красноречивее всяких слов, и поначалу ничего, кроме вздохов и мягких стонов, не отражается от каменных сводов пещеры. А после, разнеженные лаской, мы начинаем лениво перебрасываться словами. И я рассказываю Вэ'рку о сестре и её подозрениях. Он хмурится и не сдерживает ругательств.

– Твоя сестра просто маленькая завистливая потаскушка.

– При чём здесь зависть? – недоумеваю я.

– Наверняка её честолюбивые устремления простираются гораздо дальше, чем ты себе можешь представить... Ведь разглагольствует же Васса повсеместно о собственной избранности, желая поскорее предстать перед Его очами, – хмыкает Вэ'рк.

– Думаешь, Визалии хотелось бы быть на моём месте? Ждать неизвестно чего, не имея шанса на иную жизнь?..

– Так же, как некоторые считают за честь примкнуть к числу его воинов или рабов, доподлинно неизвестно, – разумно замечает Вэ'рк, – иногда ты думаешь об окружающих так, как они того не заслуживают... Почему нас так много, а когда приезжают они, хозяйствуя на наших землях, мы, словно покорные овцы, позволяем им отбирать самых лучших среди нас? Сколько всадников приезжало?.. Всего восемь, не считая главного, а увели они почти втрое больше. И никто не шелохнулся, не произнёс в знак протеста ни звука.

Я не знаю, что ответить на слова Вэ'рка, полные горечи. Но ведь и ты сам стоял безмолвно, подобно остальным, разве нет? Кажется, он понимает смысл моего взгляда, потому что усмехается:

– Да, ты права... А ещё мой отец пообещал золота вдвое больше тем братьям, что в последний миг вышли вместо меня. Их семья получит намного больше, чем обычно. Причитающаяся его семье доля от всадников, а сверху то, что пообещал им мой отец. Золото заткнёт глотку даже самым недовольным из нас, правда?

Вэ'рк резко садится и проводит рукой по коротко стриженным волосам, оборачивается на меня и произносит:

– Так не может долго продолжаться... Мы должны попытаться что-то изменить, должны покачнуть чашу весов в нашу сторону. И как только я займу место своего отца, я не стану сидеть сложа руки... А пока можешь презирать меня за малодушие или за то, что откупился монетой.

– Мне не за что тебя презирать, – я обнимаю Вэ́рка, с сожалением отмечая про себя, что пора возвращаться, чтобы не вызывать подозрений.

Отныне я не разгуливаю подолгу, чтобы Визалия не чесала своим языком или не следила за моими передвижениями. Я отчётливо понимаю, что так долго продолжаться не может. И рано или поздно все наши тайные встречи будут раскрыты посторонними, навлекая на наши головы гневливое порицание за то, что кто-то иной осмелился прикоснуться к тому, что обещано Ему. Мне кажется, что в нашу сторону уже движется тёмный смерч, сметающий всё на своём пути, и ещё нет той силы, что могла бы противостоять ему. Вэ́рк же отрицательно качает головой, не чувствуя приближения беды, и лишь перед самым уходом горячим шёпотом просит о том, чтобы я соблюдала осторожность, возвращаясь в селение.

– Я найду способ связаться с тобой... Скоро праздник летнего равноденствия, и будет намного проще перекинуться словами в толпе и укрыться от любопытных глаз.

Безумец. Я не соглашаюсь с его словами, понимая, насколько это опасно, но его губы убеждают меня в обратном, вселяя робкую надежду. Я едва отрываю себя силой от него и поспешно ухожу прочь, пока вновь не охватило томление и жажда близости.

Его планам не суждено было сбыться, как и я оказалась неправа. Всё произошло совсем не так, как то рисовало моё воображение, но в тот день я ещё об этом не знала, направляя свой шаг в сторону селения.

Глава 8

Отец Вэ́рка занемог. Он и без того уже был в преклонных годах, но сейчас болезнь свалила его с ног. И говорят, что даже целители из Храма были не в силах помочь ему. Нет чудодейственного снадобья от старости и естественного прерывания жизненного пути, толковали между собой жители, размышляя о том, каким правителем будет Вэ́рк и изменится ли многое с его восхождением на место отца. Все ждали скорой передачи полномочий, что должна была состояться при всеобщем собрании жителей, но вместо этого им пришлось наблюдать, как однажды ранним утром Вэ́рк в сопровождении нескольких мужчин и своего дяди удалился из селения в южном направлении.

Как бы не помер отец в его отсутствие и не воцарился бы хаос, перешёптывались по углам, недоумевая, куда понадобилось отлучиться Вэ́рку в такой беспокойный период.

Однако уже спустя несколько дней селение облетела новость: Вэ́рк возвращается. И не один. А с невестой, что станет его женой по приезде к нам. Отец просто велел своему сыну сочетаться браком, пока он ещё жив. И лучшей кандидатурой стала пришедшая девица из крупного зажиточного селения. Хороший союз, согласно кивали жители, радующиеся тому, что отныне будут налажены торговые отношения с соседями, скреплённые брачным союзом детей двух правителей...

А внутри меня разлилась горечь, едва я услышала пересуды людей. Робкая надежда, живущая внутри, внезапно начала увядать, погребённая под грузом сожаления. Я не могла найти утешения и чувствовала себя обманутой, хотя Вэ́рк не обещал ничего конкретного, только разглагольствовал о будущем и постоянно тянулся приласкать меня, охотно принимая ответную ласку.

И пока велись бурные приготовления к свадьбе, что должна была стать грандиозным событием, я сидела, запершись в своей комнате, предоставив волю рукам выразить всю ту горечь, что накопилась внутри. На этот раз вышивка на покрывале, что должно было стать моим подарком на свадьбу, пестрела чёрным и красным, с редкими вкраплениями белого. И оценить рисунок можно было, только отойдя на значительное расстояние: тогда становились понятны силуэты птиц, летящих над заревом огня и клубами чёрного дыма. Отчаянно взмахивали они крыльями, пытаясь взлететь всё выше, но жадное пламя тянулось вслед за ними, и было непонятно, спасутся ли несчастные или нет.

– Прекрасная работа, – отозвалась Гизела, проводя тонкой рукой по рисунку, – хоть и мрачная, но полная силы. У тебя талант... Почему бы тебе не вышивать на продажу?

Я усмехнулась про себя: никогда не задумывалась о том, чтобы зарабатывать на жизнь, продавая плоды своего труда. Я принимала то, что у меня есть, как данность и лишь иногда позволяла себе подумать о том, как могло бы повернуться всё, если бы не участь Невесты. Но мысли эти связаны были лишь с Вэ́рком.

Во всём селении ведётся скорая подготовка к пышной свадьбе: в открытом поле устанавливают сколоченные длинные столы и скамьи, заготавливаются дрова для огромных костров и снуют жители, полные предвкушения перед пышным празднеством. Отец Вэ́рка, даже прикованный к постели, всё ещё внушает трепет и руководит процессом, покрикивая на всех из окна, к которому передвинули его кровать. Он то и дело заставляет исправлять то, что, по его мнению, сделано из рук вон плохо, и довольно оглаживает бороду, когда приказ исполняется так, как ему того хочется. Наконец, последние приготовления закончены, и все только ждут, когда появится сам Вэ́рк со своей невестой.

Они приезжают уже после полудня. Их встречают громкими приветственными криками, Вэ́рк важно сидит на своём коне и кивает собравшимся, а рядом, на небольшой смиренной кобылке, едет его избранница, лицо которой скрыто плотным покрывалом. Вслед парочке летят

скабрёзные шуточки, и со всех сторон слышится хохот, настроение у собравшихся приподнятое. А зеваки оглядывают обоз с приданым, пытаясь прикинуть, сколько добра привезла с собой будущая жена нового предводителя.

За обозом тянутся посторонние: родственники и близкие знакомые невесты, чужаки для нас, попросту говоря. Их встречают немного насторожённо. Но всё же гостеприимно размещают пришлых в нескольких пустующих домах, выделенных для этого. На некоторое время всё утихает: и гомон толпы, и шуточки, и оживлённая суэта. Расходятся по домам, занимаясь последними приготовлениями и попросту прихорашиваясь, жители, чтобы на закате иметь удовольствие наблюдать за церемонией, а после как следует отпраздновать. Невесты же, как и все прочие жители, тоже среди приглашённых.

Мне нет особой нужды прихорашиваться: я всего лишь укладываю волосы на голове и надеваю неизменное чёрное платье, которое подчёркивает наш статус, оглядываю себя в полированной металлической поверхности с лёгкой грустью и вместе со всеми спешу присоединиться к церемонии. Я наблюдаю за ней слегка отрешённо.

Я смотрю, как Вэ́рк приподнимает край покрывала за самый низ и по обычаю вспарывает плотную ткань снизу доверху, впервые открывая лицо своей невесты. Она довольна милая: круглое личико без малейшего изъяна, пухлые губки и большие глаза под густыми длинными ресницами. Мягкие золотистые волосы рассыпаны по плечам и слегка завиваются мелкими волнами, обрамляя лицо, словно у кукол, которых мастерят умельцы. И вся она такая же ладная и хрупкая, как та самая кукла, а рядом с высоким и широкоплечим Вэ́рком кажется и вовсе малышкой, почти ребёнком.

Один из Храмовников совершает обряд – длинной красной нитью связывает запястья молодых и просит их потянуть руки в стороны, якобы пытаясь разорвать связь. Нить натягивается, но не рвётся, и под одобрительный гул толпы он разрезает её, мол, разрубить её теперь невозможно. Потом он меняет обрывки нитей на запястье молодых, завязывая символические пять узелков, шепча на каждый слова молитвы, и просит теперь уже мужа и жену обменяться поцелуем. Свершилось. Крик тысяч глоток разносится над собравшейся толпой, и это служит знаком, что можно садиться за обильно накрытый стол, ломящийся от яств.

Вина льются рекой, шутки и смех не умолкают ни на минуту. Даже Храмовники, обыкновенно безразличные и сдержанные, улыбаются и с удовольствием позволяют себе расслабиться. Я ем мало и совсем не пью вина, вместо него в моём высоком бокале сок ягод, подслащённый сиропом и разбавленный водой. Я, как и все остальные, дожидаясь момента, когда можно будет преподнести молодым дары. А после собираюсь вернуться в Храм вместе с некоторыми служащими, которым ещё нужно нести ночную службу. Длинная очередь из жителей продвигается очень медленно, каждый находит, что сказать и пожелать молодым. А я боюсь, что не смогу вымолвить ни слова, и тонкое покрывало вдруг начинает оттягивать руки вниз.

От позорного бегства меня удерживает только то, что я нахожусь зажатой среди других Невест и не могу улизнуть прочь, не привлекая при этом ненужного внимания. Потому просто вдыхаю как можно глубже и твёрдо шагаю вперёд, едва наступает моя очередь. Вэ́рк со своей избранницей сидят на возвышении, осматривая собравшихся сверху. К подножию их кресел складывают дары, а двое помощников относят их поодаль, укладывая аккуратной горкой и стараясь сразу же сортировать по назначению. К особо важным персонам спускается сам Вэ́рк или отправляет свою жену, чтобы выказать необходимое уважение.

Я не ожидаю того, что Вэ́рк двинется мне навстречу, но до меня к Гизеле спускалась жена Вэ́рка, а сейчас я краем глаза вижу, как он сам идёт ко мне, слегка склоняет голову, выслушивая поздравления, послушно выскальзывающие из моего рта, и принимает подарок, касаясь при этом случайно или нарочно моей руки кончиками пальцев. Даже такое малейшее прикосновение вызывает самый настоящий ураган чувств внутри меня, но я не даю ему вырваться наружу и поспешно отхожу в сторону, уступая место следующему дарителю. Я затал-

киваю всколыхнувшиеся ревность, злобу и обиду как можно глубже. Я сажусь на своё привычное место, подсчитывая мгновения, когда можно будет убраться отсюда. Но вместо этого слышу, как меня окликают, призывая оказать честь прислуживать за одним из главных столов.

Ещё одна глупая традиция, морщусь я. Его Невесты должны разлить, каждая, по паре кувшинов вина за столом у самых почётных гостей. Я встаю и иду, улыбаясь, как и все остальные четыре Невесты. Как вдруг понимаю, что мне выпала честь разливать вино за столом у самого Вэ́рка и его жены, которые сидят отдельно от всех. Вот уж честь так честь. Будь моя воля, я схватила бы этот пузатый глиняный кувшин и вылила его содержимое на белоснежное платье новобрачной, а после разбила бы его о голову самого Вэ́рка. Но вместо этого я кротко улыбаюсь и подливаю вино каждый раз, когда его жена приподнимает опустевший бокал жеманным жестом, даже не смотря в мою сторону, словно я всего лишь тень. Наверняка так оно и есть. А вот Вэ́рк то и дело бросает на меня тяжёлые, будто недовольные взгляды, заставляя закипать меня от злости.

– Кислое вино, – наконец выдаёт он, – будь так добра, принеси другого.

Я изумлённо смотрю на него, а он как ни в чём не бывало машет рукой в сторону деревянного покосившегося амбара, стоящего на краю поля, того самого, что служит временным складом для провизии на время празднества.

– Ну же, пошевеливайся, – ухмыляется он, приобнимая рукой за плечо свою жену, которая в ответ прижимается к нему со счастливой улыбкой на губах.

Мои руки крепко стискивают пузатый кувшин, чтобы пальцы не выдавали дрожи от злобы, и я направляюсь к амбару. Внутри темно, и я вспоминаю с досадой, что не додумалась прихватить с собой свечи. Возвращаться не хочется, и я пытаюсь нащупать кувшины с вином, постоянно натыкаюсь на что-то иное и потом решаю просто подождать, пока глаза не привыкнут к темноте и не начнут различать очертания предметов. Ноги меня еле держат от пережитого волнения. Я присаживаюсь на пустой деревянный бочонок, перевернутый вверх дном, закрывая глаза и молясь про себя о том, чтобы этот вечер, уже перешедший в ночь, наконец закончился.

Меня охватывает странное ощущение отрезанности от остального мира, и я прислушиваюсь к звукам празднества, доносящимся словно издалека. Открываю глаза и сквозь щели в стенах смотрю за веселящимся народом. Внезапно по ногам начинает тянуть лёгкой прохладой, и я оборачиваюсь, замечая, как в дверном проёме возникает крепкая высокая фигура, запирающая за собой дверь на засов. Я поспешно вскакиваю со своего места и шагаю назад, а мужчина в два шага пересекает тесное пространство амбара, нависая надо мной.

Глава 9

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я у него вполголоса. – Разве ты не должен сейчас сидеть рядом со своей женой?

– Должен, но не хочу, – спокойно отвечает Вэ'рк, приближаясь ещё немного и заставляя меня отступать, – хотел переговорить с тобой с глазу на глаз.

– Не о чем нам с тобой разговаривать, Вэ'рк, – в моих словах так много горечи, что я могла бы испортить ею даже самый сладкий медовый пирог.

– Ошибаешься, – он подступает ко мне совсем близко и обхватывает запястье руки, пытаюсь потянуть меня на себя, но я упираюсь изо всех сил.

– Отпусти! – взмолилась я.

– Мне нужно объясниться. Я не мог послушаться приказа отца, это его последняя воля. Ты же знаешь, как он плох и...

– Отпусти, – перебиваю я его речь, – тебе лучше вернуться за стол к празднующим и к жене, которая заскучает без тебя уже совсем скоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.